

Прикоснувшись в кармане к амулету Девятый Закон, Клейн настроил свой рост и черты внешности до полного сходства с Амириусом Ривельдтом.

Вышел из комнаты со всякой всячиной через другую дверь и прошагал по тихому коридору обратно в управление генерал-губернатора.

По пути ему попадались изредка проходящие мимо официанты и горничные, но никто из них не решался смотреть ему в лицо. Едва завидев адмиральскую форму, они торопливо отбегали в сторону и преклоняли головы.

– Любой человек такого же роста мог бы пробраться в банкетный зал, облачившись в такую же форму... Надо заметить, играть важного человека, наверное, легче, чем обычного... – Клейн всё так же смотрел вперёд, держась угрюмо. Прошёл неторопливо к дорожке, мощёной чёрным кирпичом.

Вскоре он услышал прекрасную напевную музыку, увидел изящные настенные газовые светильники, разгоняющие темноту.

Едва Клейн приблизился к комнате отдыха, он увидел, что комната рядом открыта. Там его ждал человек средних лет, Клейн подошёл к нему.

У этого мужчины были чёрные волосы, голубые глаза. Чертами лица он отчасти напоминал Амириуса, но лоб был выше, более одутловатые мешки под глазами, а уголки рта не опускались.

То был собственной персоной младший брат Амириуса, Астон Ривельдт.

Джентльмен этот некогда служил во флоте, и за заслуги в колониях Южного континента его повысили до полковника. Позже ему наскучила военная карьера, и заодно с политическим балансом он согласился на перемену в карьере, стал генерал-губернатором.

Через пять-шесть лет он уже был в Орави, поскольку это был важный пункт и источник природных богатств, и настоял, чтобы семья Ривельдтов в массовом порядке скупала плодородные земли и имения, ему таким образом досталась там немалая собственность.

Не одними его силами это было достигнуто. И Астон, и вся семья Ривельдтов заплатили изрядно, и даже брали для этого ссуды в банке. То был уже не баламский восточный берег, где фейсакцев принуждали продавать по дешёвке свои земли.

Разумеется, не будь Астон Генералом-губернатором, Орави не процветал бы ещё больше, а старший брат Астона не стал бы верховным командующим флота Срединного Моря Соня, и

семья Ривельдтов не убедила бы так легко своих потенциальных партнёров, продать такие замечательные угодья и имения.

- Вот и испытание начинается... – Клейн спокойно подошёл, встал перед Астоном Ривельдтом.

Астон огляделся и проникновенно-глубоким голосом спросил:

- Ты решил насчёт того дела?

- Какого дела... – Клейн было почувствовал себя нелепо, но вспомнил вступительное слово к тому своду, что он получил: "Если Астон попросит беседы наедине или ответа на вопрос по какому-то делу, говорить, что ответ ему будет дан перед выездом из Орави".

- Адмирал это действительно предчувствовал. Мне просто нужно следить за поведением и тоном. Да, и нужно ещё использовать особые словечки и произношение, что в ходу у лознской аристократии... – Клейн слегка кивнул и сурово проговорил:

- Подожди ещё несколько дней. Ответ тебе дадут перед отъездом из Орави.

Астон ничего не заподозрил, лишь усмехнулся.

- Кажется, ты ждёшь чего-то, что придало бы тебе сил для решения.

- То дело, что адмиралу необходимо сделать самому? – у Клейна сильно забилося сердце, когда он проговорил привычным приказным тоном высших чинов:

- Оставь свои догадки при себе.

Сказав это, шагнул вперёд, пошёл к банкетному залу.

Астон всматривался в спину брата, и лицо постепенно становилось холодно-презрительным. Потом чуть покачал головой.

Войдя в банкетный зал, Клейн огляделся и зашагал к длинному столу, где расставлены были закуски. То и дело останавливался, чтобы обменяться любезностями с теми, кто к нему подходил.

За это время он понял, что ему не нужно разбираться во всех темах, что всплывают в разговорах. Нужно только кивать изредка, позволяя беседе гармонично протекать до естественного завершения.

– Воистину, высокий чин что-то в действиях облегчает, но вместе с тем кое-то может и затруднять... – Клейн продирался через "препятствия", одно за другим, пока, наконец, не добрался до стола.

Непринуждённо взял тарелку и напомнил себе, что адмирал любит рыбу, говядину, лобстеров, а курятину и гусятину не любит. А потому избегал таких блюд, как печёная курица и печёный гусь по-бэклэндски. Взял мяса, жареной Драконокостной Рыбы и одорского лобстера с маслом и сыром.

У металлических ящичков, в которых готовились блюда, на дне была прослойка из асбеста, и внизу тлели раскалённые угли или кипела вода, так что яства сохраняли нужную температуру. Клейн едва не сорвался, не загубил свой образ, откусив первый кусок.

Из всех сил старался удерживаться в облике адмирала Амириуса Ривельдта, держа тарелку и непринуждённо беседуя с членами парламента портового города, морскими поставщиками и прочими.

Со всей серьёзностью слушал, что они говорили, и время от времени набивал рот.

И заметил, что за ним постоянно следует молодой человек во фраке.

Волосы у этого человека были светлые, опрятно зачёсанные, редеющие спереди, а глаза голубые – красавец весьма джентльменского вида.

– Точь-в-точь как на картинке. Секретарь Амириуса Луань... – Клейн удержался, не окинул его взглядом. Хотел до конца банкета утолить голод.

Выйдя из управления генерал-губернатора, Клейн сел в карету с охранниками. Занял место около винного шкафа.

Белокурый секретарь пошёл за ним. Своими кожаными туфлями, ступив на толстый мягкий ковёр, бесшумно пробрался к месту напротив Клейна.

Сидел секретарь, занимая лишь треть сиденья.

Карета тронулась, и Луань достал пачку документов из чёрного портфеля, что носил с собой.

– Ваше Превосходительство, это книга учёта с военно-морской базы Орави за тысяча триста сорок девятый год.

Клейн протянул руку, небрежно пролистал несколько страниц.

- Что? Фунт за рулон туалетной бумаги? Уборную на базе ремонтировали двадцать раз в год? - Клейн проделал пару нехитрых подсчётов и обнаружил разнообразные смехотворные статьи расходов.

- Не слишком ли такие отчёты просты и очевидны? Я, пожалуй, могу давать уроки, особо обучая тому, как нужно подавать жалобы! - всерьёз задумался Клейн о поведении, которое должен демонстрировать.

И если это учитывать, то труднее всего в этом перевоплощении было обмануть Луаня.

Нельзя было сказать, что Генерал-губернатор Астон Ривельдт и мисс Синтия хуже знали адмирала, чем секретарь. Просто Астон, как младший брат, обнаружив неладное, помог бы, наверное, это скрыть, если ему намекнуть. Так же и Синтия, будучи зависима от адмирала, настроена была бы скрывать сомнительные дела.

Конечно, нельзя было сбрасывать со счетов вероятность того, что Синтия - шпионка. Не исключалось, что мог кто-то шпионить, но опасней всех был Луань, обязанностью которого, было пристальное наблюдение за адмиралом.

- Нельзя мне показывать ничего неладного... Как отнесётся адмирал к такому докладу? Разгневаётся, или притворится, что разгневан? Нет, состав базы в Орави не посмел бы передать ему такой явно сомнительный доклад, словно адмирал слеп. Между ними должно быть достаточно доверия и молчаливого понимания... - Поскольку в сведениях не говорилось о таком, Клейну оставалось рассуждать лишь исходя из опыта.

Кроме того, он мог доказать, что совсем не ожидал такого доклада с военно-морской базы Орави, или ясно было, что доклад этот не слишком важен. Все эти реакции были predeterminedены распорядком, и потому здесь справиться было легко.

- Каковы бы ни были мои возможности, я должен держаться так, как обычно держатся люди высокого звания. То есть не показывать своего отношения... - Клейн закрыл документы и отдал обратно белокурому секретарю. Сказал безразлично:

- Положите мне на стол.

Подразумевала эта фраза: "я это внимательно просмотрю". А для других могла означать и что-то другое, исходящее из их точек зрения.

Если военно-морская база Орави сделала это без предупреждения, значит, адмирал был чем-то не очень доволен и ждал объяснений.

Если эти двое достигли молчаливого взаимного согласия по делу, то Амириус желал в нём получить больше выгод. А насчёт того, оскорбит ли это кого-то, Клейн не беспокоился. Ведь

через несколько дней он уже не будет Амириусом Ривельдтом. Уверен был, что истинному полубогу есть чем усмирить гнев подчинённых.

Вдобавок Клейн был благодарен, что Амириус не полубог Церкви Повелителя Штормов. Иначе бы ему пришлось раздумывать: кивнуть головой и передать доклад дальше, или в ярости швырнуть его обратно, заодно мимоходом выбросив нескольких людей за борт корабля, на корм рыбам.

– Да, Ваше Превосходительство, – белокурый секретарь Луань, не изменившись в лице, сунул документ назад в портфель, так, словно давно ждал именно такого ответа.

На обратном пути Клейн, во всём повторяя привычки Амириуса, наклонился и уселся в карету, прикрыл глаза, словно раздумывал о каких-то делах, хотя, в сущности, не думал ни о чём.

Луань не сказал ни слова, хранил молчание.

Чёрные железные фонари в рост человека быстро скрылись позади, карета подъехала к военно-морской базе, а затем повернула к дому с садом и лужайкой.

Как только Клейн по лестнице поднялся наверх, дворецкий открыл ему дверь, а слуги выстроились по обеим сторонам, с почтением ожидая, когда он войдёт.

Гостиная была обставлена в чисто классическом духе. На стенах висели прекрасные пейзажи маслом, повсюду стояли белокаменные статуи, простые и изящные вазы и тому подобное. В ней веяло едва уловимое, но стойкое благоухание, проникающее в душу.

Клейну бы в эти мгновения расслабиться, а он лишь наоборот больше напрягся, увидев, как к нему подходит красавица в домашнем платье.

На вид ей было двадцать с небольшим. Светлые волосы её ниспадали на плечи, а в голубых глазах жил какой-то таинственный отсвет, заметный, когда она бросала взгляд. Вся нежно-женственная, она ещё сохраняла юные черты. То была никто иная, как Синтия, любовница адмирала.

Клейн насилу совладал с неловкостью, раскинул руки, и суровое лицо Амириса смягчилось в улыбке.

Синтия бросилась ему в объятия, на цыпочках пританцовывая. Щекой коснулась его щеки и прошептала с улыбкой:

– Адмирал, я вам уже нагрела воду в ванне.

– А это значит, что она велела кому-то следить, когда закончится банкет... Быть любовницей тоже не очень-то просто... Амириус и вправду любит расслабиться в горячей ванне, отвлечься от насущных вопросов... – Задумался Клейн, чтобы не чувствовать, как Синтия приблизилась щекой к его щеке.

Ему, мужчине традиционной ориентации, впору бы смутиться и вместе с тем изрядно обрадоваться, когда к нему приблизилась такая прекрасная представительница противоположного пола. Но договор на время лишил его соответствующих потребностей, а потому осталось одно только смущение.

– Очень хорошо, – похвалил Клейн и мягко оттолкнул её, почувствовав, что ему некуда девать руки.

Зная, что адмирал не любит нежничать на виду у слуг, Синтия отошла, повела Клейна на второй этаж, в ванную, достала ему халат.

Проделав всё это, велела слугам не ходить на второй этаж, пока не услышат звонок. Затем вернулась в спальню, сняла с себя всю одежду и надела шёлковую ночную сорочку.

Низкий ворот ночной сорочки щедро показывал разрез груди. Она у Синтии была маняще-белоснежная, и в ложбинке утопала особая подвеска ожерелья, похожая на миниатюрный чёрный рог носорога величиной с фалангу пальца.

Синтия сняла ожерелье, сунула под подушку. Вся краснея, нетвёрдым шагом вышла из спальни, подошла к ванной, где купался адмирал. Набравшись смелости, потянула за ручку двери.

Скрип. Рука её замерла. Она поняла, что дверь ванной он успел запереть изнутри.

Синтия бессмысленно, бессознательно подёргала за ручку снова.

Скрип. Скрип. Дверь ванной не подалась ни на сантиметр.